

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Иоганн Вольфганг Гёте и Венедикт Ерофеев

В. А. ПРОНИН

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕЧАТИ ИМ. И. ФЕДОРОВА)

В статье анализируются пародии, шаржи В. Ерофеева, его диалоги с писателями-классиками, в том числе зарубежными, среди которых особое внимание привлекал И. В. Гёте. В. Ерофеева восхищала трагедия «Фауст», но он сожалел о том, что наследие Гёте в годы Второй мировой войны использовалось нацистами в пропагандистских целях.

Ключевые слова: И. В. Гёте, В. Ерофеев, «Москва — Петушки», постмодернизм, дневник, анекдот, дискурс, алхимия.

Поэма В. Ерофеева «Москва — Петушки» — истинный шедевр интеллектуальной прозы 1960-х годов. Разумеется, народная мудрость выступает здесь «под градусом» на устах пьяного балагура, который, дурачась, опровергает общепринятые нормы и утверждает свой уникальный взгляд на авторитеты и лозунги, вдохновляющие трудовое большинство непьющих товарищей. По наблюдению безбилетника и озорника, в электричке большинство составляют регулярно употребляющие горячительные напитки, потому, о ком бы из знаменитостей они ни заспорили, вердикт один: «Пил!»

Теоретики старого и нового искусства приложили немало усилий, дабы доказать плодотворность дионисийского начала для искусства древних греков и всех тех, кто пришел им на смену. Практикующий дионисиец Венедикт Ерофеев — единственный, кто не только приручил зеленого змия, но и сумел так его выдрессировать, что венечкины фенечки пошли на пользу отечественной словесности. Сделавшись знаменитым прозаиком, В. Ерофеев рассказал в одном из интервью, что, когда писал «Москва — Петушки», он взял тайм-аут: «Я их писал пять недель и не пил ни грамма.

И когда ко мне приехали друзья и сказали: „Выпьем“ я ответил: „Стоп, ребята, мне до этого нужно закончить одну гениальную вещь“» (Ерофеев, 2008: 515). Пьянство в течение этих недель носило исключительно вербальный характер, и почти гамлетовский вопрос «Пить или не пить» приобрел историко-литературную дилемму, ибо рассказчик Венечка усиленно проводил дознание в сонме великих, особенно подозревая в этом грехе веймарского олимпийца. Автор поэмы «Москва — Петушки» низкое и мерзкое сумел обратить в истинно художественную целостность, когда английское *trash* по-русски еще не разумели.

Наряду с поллитровкой, оружием писателя была его несравненная эрудиция. Библейские заветы, творения поэтов Ренессанса и русского Серебряного века, выдержки из записных ораторов слетают из уст захмелевшего повествователя. Текст буквально прошит выдержками из классики, что позволило некоторым исследователям зачислить его в постмодернисты. Думается, что это принципиально неверно. Постмодернизм зарождался в читальнях, в кабинетах, в домах творчества, в литературных салонах, но никак не в электричке — там слишком много сора. И уж в привокзальных

буфетах — тем более. Исконный демократизм Венички-рассказчика, народная карнавальная стихия, риторика матерщины, своёское обращение со слушателем, который выполняет функцию гипотетического читателя, никак не претендует на постмодернистский дискурс. Гёте и Шиллер, Пушкин и Герцен или просто какие-либо ученые мужи лишаются своих нимбов, спихиваются с насиженных пьедесталов. Лишенные своих регалий, они становятся свойскими предками, над которыми пошутить вполне дозволено.

Удивительно, но одной из самых притягательных фигур для В. Ерофеева был тайный советник Иоганн Вольфганг фон Гёте. Именно так он его и величает. Впервые в отечественном литературоведении рассмотрена параллель Иоганн Вольфганг и Веничка в статье Л. Н. Полубояриновой «Гёте и русский постмодернизм (Венедикт Ерофеев, Дмитрий Пригов)» (Гёте в русской культуре XX века, 2004). Известный германист в статье делает ряд любопытных наблюдений над текстом, в частности целиком цитирует фрагмент поэмы, где обстоятельно разъясняется, почему тайный алкоголик сам не пил, перепоручив эту миссию Фаусту. Л. М. Полубояринова делает справедливый вывод: «Образ Гёте у Ерофеева нарочито деструктивен, абсурден. Биографические факты и реалии гётевских текстов нарочито искажены» (там же: 212).

Однако основные постулаты статьи вызывают возражения. Начнем с названия. Творчество В. Ерофеева никак не может быть поставлено в один ряд с Д. Приговым. Почему Веничка не постмодернист? Он слишком естественен, органичен, критичен, да и слова такого отродясь не употреблял. Со всеми великими, кого он упоминает в «Петушках», он запанибрата. У него с Пушкиным или Гёте партнерские отношения. Рассказчик, разумеется, не автор, что-то слышал про упомянутых гениев, кое-что перепутал, окарικатурил, ибо не питает к ним никакого подобострастия. Он ведет себя, как озорник, который, увидев на доске почета вездесущую знаменитость, пририсовывает что-нибудь непотребное. Веничка же подносит мэтру граненый стакан. Он не становится на цыпочки, чтобы дорости до великого,

он просто милостиво принимает его в свою компанию. Вспомним считалку: «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой?» Ответ в золотых Петушках может быть только одним: равным среди равных.

Поставив рядом в скобках Венедикта Ерофеева и Дмитрия Пригова, автор статьи допускает оплошность: они слишком разные. Пригов придумал и играл свою роль, Веничка оставался самим собой. А Пригова он не жаловал. Он не любил тех, кто становился признанным кумиром, не случайно Ерофеев не смог прочесть более пятнадцати страниц «Мастера и Маргариты» М. Булгакова.

Веничка не преминул и Шиллера уличить в скрытой страсти к алкоголю и посвятил двум сподвижниками уморительную новеллу.

«Так вы говорите: тайный советник Гёте не пил ни грамма? — я повернулся к декабристу. — А почему он не пил, вы знаете? Что его заставило не пить? Все честные умы пили, а он — не пил. Почему?.. Думаете, ему не хотелось выпить? Конечно, хотелось. Так он, чтобы самому не скопытиться, вместо себя заставлял пить всех своих персонажей. Возьмите хотя „Фауста“: кто там не пьет? Все пьют. Фауст пьет и молодеет, Зибель пьет и лезет на Фауста, Мефистофель только и делает, что пьет и угощает буршей и поет им „Блоху“. Вы спросите: для чего это нужно было тайному советнику Гёте? Так я вам скажу: а для чего он заставил Вертера пустить себе пулю в лоб? Потому что — есть свидетельство — он сам был на грани самоубийства, но чтоб отделаться от искушения, заставил Вертера сделать это вместо себя. Вы понимаете? Он остался жить, но как бы покончил с собой. И был вполне удовлетворен. Это даже хуже прямого самоубийства, а в этом больше трусости и эгоизма, и творческой низости...

Вот так же он и пил, как стрелялся, ваш тайный советник. Мефистофель выпьет — а ему хорошо, старому псу. Фауст добавит — а он, старый хрен, уже лыка не вяжет. Со мною на трассе дядя Коля работал — тот тоже: сам не пьет, боится, что чуть выпьет — и сорвется, загудит на неделю, на месяц. А нас — так прямо чуть не принуждал. Разли-

вает нам, крикнет за нас, блаженствует, гад, как обалдельный...

Вот так и ваш хваленый Иоганн фон Гёте! Шиллер ему подносит, а он отказывается — еще бы. Алкоголик он был, алкаш он был, ваш тайный советник Иоганн фон Гёте! И руки у него как бы тряслись!..» (Ерофеев, 2008: 169).

Юмор вытекает из парадокса: чтоб самому не пить, надо заставить почему зря пить персонажей. Аргумент подтвержден аналогией: чтоб самому избежать самоубийства, приписать его мятежному мученику Вертеру. То же самое касается и других персонажей. Веничка пригласил всю свою аудиторию в погребок Ауэрбаха. Тут уж крыть нечем, пили все, и названы Веничкой поименно. Но если кто-то еще сомневается, приведен неоспоримый аргумент: дядя Коля, который, как Гёте, сам не пил, но другим наливал по полной.

Выдумщик Веничка сочинил байку из апокрифов, анекдотов из непосредственных наблюдений за пьющими товарищами. Получился рассказ, в правдивость которого хочется верить всем внимающим, кто хоть Гёте не читал, но слышал о нем, а теперь от Венички узнал привлекательные подробности, и тайный советник утратил свою тайну. В отличие от постмодернистских реминисценций дистанция между гением и толпой, пусть хоть на миг, но исчезла.

Младший современник в поэме и дневниковых записях сопутствует Гёте, что раздражает автора «Петушков». Ему ненавистны идеологические дуэты: Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин, а также и неидеологические: Ильф и Петров, братья Стругацкие — как устойчивые связки в массовом сознании.

Иногда В. Ерофеев предпринимает попытку реабилитировать гения, застигнув его за каким-то мизерным житейским занятием или пытаясь утверждать, что тайный советник принимал венценосных особ в домашнем халате и тапочках, демонстрируя, дескать, свое пренебрежение сильным мирам сего. Он пытался подражать Гёте, задумав драму «Вальпургиева ночь», но дальше совпадения названия дело не пошло. Образы Гёте и Шиллера изымаются из историко-литературного контекста и располагаются на некоем пространстве по марш-

руту Москва — Петушки и далее везде в мире. Конкретика образа утрачивается, он становится доступен всякому, кто хотя бы слышал имя гения. Пьяные дебаты в электричке сродни анекдотам, которых немало ходило у нас о Пушкине, и, кстати, были инспирированы юбилейными торжествами. Исследователь современного фольклора резюмирует: «Анекдоты о Пушкине продолжают возникать в советское время: очень способствовал этому шумный юбилей 1937 года. Анекдотический Пушкин травестирует ходячий образ великого поэта. Он „иной“: „неприличный“, нецензурный, не только не официальный, но противоофициальный (определение В. Н. Топорова)» (Белоусов, 2003: 587). Здесь легко заменить Пушкина на Гёте, тем более что в 1949 г. повсеместно праздновался двухсотлетний юбилей Гёте, который позиционировался как символ новой Германии, победившей фашизм.

У автора поэмы «Москва — Петушки» свой подход к анекдотам о классиках. Он лишает анекдот лаконичности и афористичности, используя анекдот как формулу вполне бытовой жизненной ситуации. Таков рассказ бомжеватой дамочки, которая постоянно адресовалась к мужу с вопросом: «А кто за тебя детишек будет воспитывать, Пушкин что ли?» (Ерофеев, 2008: 178), за что и поплатилась четырьмя передними зубами.

Отношение к Гёте у В. Ерофеева было весьма настороженным, но формула «Фауста» ему импонировала, он явно примерял на себя историю доктора Фауста. В «Петушках» обнаруживаются некоторые уподобления Венички гётевскому чернокнижнику. На поверхности его образованность, подобно Фаусту, он ощущает себя грешником и алхимиком — это когда речь идет о рецептах диковинных коктейлей. Все случившееся с пассажиром электрички происходит под надзором ангелов господних. Он ощущает свою вину и молит об их о защите. И та, которая его ждет-не-ждет, заставляет вспомнить о вечно-женственном образе у Гёте.

Отношение к Фаусту, однако, весьма переменчиво. Иногда кажется, что автор «Петушков» не прочь сравнить своего непутевого путешественника с Фаустом. В одной из дневни-

ковых записей он замечает: «Орфея и Фауста роднит то, что оба они заклинатели царства теней» (там же: 384). Но ведь и заблудившаяся электричка со всеми пассажирами ближе к финалу погружается во мрак вместе со всеми попутчиками Венички, не столько реальными людьми, сколько фантомами.

Веничка-Фауст примеряет на себя знаменитый гётевский афоризм: «Мгновенье. Безобразно ты. Не продлевайся. А впрочем, погоди» (там же: 366). Скептическое истолкование трагедии «Фауст» объясняется тем, что В. Ерофеев проверяет глобальные идеи гения собственным жизненным опытом, биографиями своих собутыльников (опечатка, надо — современников. — В. П.), что отнюдь несовместимо с грандиозной картиной мира, созданной великим просветителем.

В итоге, глядясь в трагедию, как в зеркало, Венедикт Ерофеев подводит свой итог мудрости земной: «Чувство юмора (так называемое), доведенное до масштабов мефистофельщины. И дурак Фауст с его прожектами, и оскорбленная девка, Мефистофель на случай „великого преобразования природы“ удаляется на Брокен плясать с голыми ведьмами, и ни одна баба от него не накладывала рук» (там же: 376). Напомним, что дураком назвал себя сам Фауст в первом монологе.

Суждение не назовешь прозрачным. Венедикт Ерофеев говорит о торжестве всемирного цинизма, прогнозируемом Гёте. Получается, что, по Ерофееву, главный проект Гёте не Фауст, а Мефистофель. И такая точка зрения имеет свое право на существование.

Рождение В. Ерофеева совпало с началом Второй мировой войны, а взросление студента и писателя приходится на первое послевоенное десятилетие. Наверняка, Веничка-школьник там, далеко, на Кольском полуострове, за Полярным кругом, читал, как все, стихи С. В. Михалкова:

Летней ночью, на рассвете,
Когда мирно спали дети,
Гитлер дал войскам приказ
И послал солдат немецких
Против всех людей советских,
Это значит — против нас.

Как и миллионы людей в мире, повзрослев, он задумался над вопросом, как страна Гёте и Бетховена выступила агрессором, как те, кто читал «Фауста», пошли служить охранниками в концлагеря. Ответ на sacramентальный вопрос дан в одной из дневниковых записей, где то он этот факт вычитал: «Германия. 1 мая 1934 г. Всенародно отмечается первомайский праздник. По улицам и площадям проходят под звуки „Интернационала“ с другим текстом. У всех на грудях — значки с портретом Гёте, в обрамлении серпа, молота, черного орла, свастики — значки, специально отчеканенные для масс» (там же: 444).

Шла не просто демонстрация, происходила борьба за наследие нации. Гёте временно стал трофеем нацистов. Такова посмертная участь гения, за право собственности на «Фауста» боролись на фронте. Поколению В. Ерофеева было не безразлично, на чьей стороне окажется германский гений.

Томас Манн, приехавший в марте 1949 г. в Веймар на Гётевские юбилейные торжества, напомнил, что город, заполненный иностранными делегациями со всего мира, еще совсем недавно жидился на соединении гитлеризма и Гёте: «Тогда всюду висели портреты фюрера, его фотографии печатались в национал-социалистических газетах, возник особый тип молодых людей, шумно маршировавших по улицам Веймара» (*Weimar im Urteil der Welt*, 1975: 344). Добавим: неподалеку находился концлагерь.

Томас Манн сокрушался, что среди нацистов было немало его читателей. Но виноват ли создатель трагедии «Фауст» или автор романа «Доктор Фаустус»? Венедикт Ерофеев в своих сочинениях на примере Гёте заставил задуматься над тем, какие превращения происходят с гениальными творениями в сознании грядущих поколений. Об этом не надо забывать, но необходимо помнить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белюсов, А. Ф. (2003) Современный анекдот // Современный городской фольклор. М. : РГГУ. С. 581–599.

Гёте в русской культуре XX века (2004) / под ред. Г. В. Якушевой. 2-е изд., доп. М. : Наука.

Ерофеев, В. В. (2008) Мой очень жизненный путь. М. : Вагриус.

Weimar im Urteil der Welt: Stimmen aus drei Jahrhunderten (1975) / Hrsg. von H. Greiner-Mai. Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag.

Дата поступления: 15.02.2013 г.

JOHANN WOLFGANG VON GOETHE
AND VENEDIKT EROFEEV

V. A. Pronin

(The Ivan Fedorov Moscow State University
of Printing Arts)

The article analyzes the dialogues, parodies, and caricatures of classical writers (including foreign ones) by V. Erofeev who paid a special attention to J. V. Goethe. V. Erofeev was filled with admiration for «The Tragedy of Faust», but he was regretting

that Goethe's legacy had been used by National Socialists for propaganda during the World War II.

Keywords: J. V. Goethe, V. Erofeev, «Moscow – Petushki», postmodernism, diary, anecdote, discourse, alchemy.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Belousov, A. F. (2003) Sovremenniy anekdot // Sovremenniy gorodskoi fol'klor. М. : RGGU. S. 581–599.

Gete v russkoi kul'ture XX veka (2004) / Pod red. G. V. Iakushevoi. 2-e izd., dop. М. : Nauka.

Erofeev, V. V. (2008) Moi ochen' zhiznennyi put'. М. : Vagrius.

Weimar im Urteil der Welt: Stimmen aus drei Jahrhunderten (1975) / Hrsg. von H. Greiner-Mai. Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag.